

Т. Б. Радбиль

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)
timur@radbil.ru

«ЦЕННОСТНЫЙ СДВИГ» КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ

0. Преамбула

В работе продолжается начатое нами в ряде предыдущих работ исследование особенностей нетривиальной концептуализации ценностного компонента в художественном слове [Радбиль 2021]. Наблюдения над нестандартными употреблениями общеоценочных предикатов *хорошо / плохо (хороший / плохой)* в поэтическом дискурсе, которые, согласно нашей концепции, выступают в роли репрезентативных (диагностических) контекстов [Радбиль 2011], позволили выявить ряд явлений, обозначенных нами как «ценностный сдвиг». Это разновидность специфического контекстуального семантического преобразования в коннотативно-оценочной сфере семантики единицы языка, при котором эксплицитная позитивная или негативная оценочность в прилагательном или наречии входит в определенное противоречие с имплицитной оценочностью другого знака, имеющей место в определяемых словах (*чушь прекрасная, милый ад ↔ ужасная красота, отвратительная нега* и под.). Максимальной внутренней антиномичности указанный «ценностный сдвиг» достигает в так называемых «оксюморонных» контекстах – типа «*Плохой хороший человек*» (название известного советского фильма 1973 г. режиссера И. Хейфица по произведению А.П. Чехова «Дуэль»).

В настоящей работе в центре нашего внимания находится неузуальное «поведение» других типов оценочных предикатов, а именно – этических предикатов *добрый / злой* в языке поэзии. Материалом исследования являются языковые данные поэтического корпуса в Национальном корпусе русского языка. Мы ограничились хронологическим периодом – вторая половина XX – XXI вв.

На начальном этапе выявлялись контексты «оксюморонного типа» с максимумом ценностной антиномичности, когда что-то может одновременно характеризоваться и как доброе, и как злое. В обследованном материале имеются: (1) примеры непосредственной атрибуции прилагательными *добрый* или *злой* этического концепта противоположной ценности (*доброе зло, злое добро*): *Что ж, прощай, мое Зло! // Мое доброе Зло!* (А.А. Галич); (2) примеры опосредованной атрибуции прилагательными *добрый* или *злой* этического концепта противоположной ценности через отношение к другому опорному слову (*злая жажда добра*): *Нет неестественности в диких выраженьях // Избытка чувств и жажды злой добра* (Ю.П. Мориц).

Подобные контексты, согласно теории языковой аномальности Ю.Д. Апресяна, при их максимальной внутренней ценностной противоречивости, не содержат собственно языковой аномальности, потому что

столкновение противоположенных смыслов осуществляется на ассертивном, эксплицитном уровне семантики; именно поэтому такие логические противоречия легко осмысляются в речи виде стилистического приема оксюморона – например, *живой труп*. К подлинной языковой аномалии в сочетании языковых единиц ведет противоречие между эксплицитным дескриптивным смыслом одной единицы и имплицитным, коннотативным, пресуппозитивным смыслом другой – например, *живая смерть* [Апресян 1995].

Исходя из этого, на следующем этапе нашего исследования мы рассматривали контексты, где прилагательные *добрый* и *злой* сочетаются со словами, имеющими имплицитную или коннотативную семантику 'что-то доброе / злое' или 'что-то хорошее / плохое' (аномалия-противоречие), а также со словами, в узусе имеющими нейтральную оценочность, т. е. обозначающими явления, которые не могут в норме быть ни добрыми, ни злыми (аномалия-алогизм). В последнем случае нас интересуют только неодушевленные существительные, имеющие в узусе меньший потенциал сочетаемости с этическими предикатами *добрый* и *злой*. Таким образом, основная выборка осуществляется по двум типам контекстов: **добрый (N – / 0)** и **злой (N +/- 0)**. Знаки +, – и 0 в схеме обозначают «знак оценочности»: положительная, отрицательная и нейтральная; N – любое существительное.

1. «Ценностные сдвиги» в контекстах употребления прилагательного *добрый*

1.1. Модель *добрый* (N –)

В языке русской поэзии XX–XXI вв. выявлен ряд нетривиальных употреблений прилагательного *добрый*, определяющего существительные с имплицитной, потенциальной или коннотативной семой 'что-то злое' или 'что-то плохое': *доброе неведение (о Чуде)* (Н.С. Муравьев); *добрый соперник* (А.П. Цветков); *добрая сводня* (Вс. В. Зельченко); *добрые бандиты* (П.Я. Зальцман) и др.

Примеры реализации модели: *Смотрю на воду – она спокойна, // и думаю тихую мысль: // можно пережить еще что-то хорошее, // ведь может быть **доброй** и **смерть*** (Г.Н. Айги); *Где я зарыт, спроси // Жителей дальних мест, // Каждому на Руси // Памятник – **добрый крест!*** (Н.М. Рубцов).

1.2. Модель *добрый* (N 0)

В языке русской поэзии XX–XXI вв. выявлен ряд нетривиальных употреблений прилагательного *добрый*, определяющего неодушевленные существительные с нейтральной семантикой. Это могут быть предметы быта: *добрая игла* (А.Н. Башлачев); *добрый компьютер* (А.Н. Чиннов); *добрая лампа* (М. Вега); *добрая изба* (С.В. Петров); явления природы: *доброе небо* (Ф.А. Искандер); *доброе поле* (А.Н. Башлачев); *добрый ручей* (В.А. Соснора); *добрый пруд* (А.Е. Адалис); *добрая вода* (Е.А. Евтушенко); *добрый куст* (Н.М. Рубцов); *добрая бездна* (Б.А. Слуцкий); отвлеченные признаки и

действия: *доброе шипение* (С.И. Липкин); *добрый запах* (В. Блаженный); *добрый ночлег* (Б.Ш. Кенжеев) и др.

Примеры реализации модели: *Как добрая таблетка аспирина, // Как ласковый бразильский «мельорал»* (В.Ф. Перелешин); *Добрый город кормил их, // Как своих домовых* (М. Вега); *Зима снижается, и вот он // У доброй вечности в руках* (А.П. Цветков).

2. «Ценностные сдвиги» в контекстах употребления прилагательного *злой*

2.1. Модель *злой* (N +)

В языке русской поэзии XX–XXI вв. выявлен ряд нетривиальных употреблений прилагательного *злой*, определяющего существительные с имплицитной, потенциальной или коннотативной семой ‘что-то доброе’ или ‘что-то хорошее’: *злое счастье* (С.В. Петров); *злой восторг* (Г.С. Семенов); *злая милость* (Б.А. Ахмадулина); *злая храбрость* (Ю.П. Мориц); *злая правда* (С.И. Липкин) и др.

Примеры реализации модели: *... и с веселой и злой хорошилкой // повстречался мне человек* (Е.А. Евтушенко); *И злая жалость ко всему живому, // И мудрость при отсутствии ума* (А.П. Межиров).

2.2. Модель *злой* (N 0)

В языке русской поэзии XX–XXI вв. выявлен ряд нетривиальных употреблений прилагательного *злой*, определяющего неодушевленные существительные с нейтральной семантикой. Это могут быть предметы быта: *злая занавеска* (С.М. Гандлевский); *злой диван* (В.А. Луговской); части тела человека или животных: *злая ладонь* (Г.С. Семенов); *злой локоть* (Л.А. Алексеева); *злое крыло* (Л.А. Алексеева); явления природы или времена года: *злая весна* (Ю.П. Мориц); *злой закат* (М. Вега); *злое тепло* (Б.Ш. Кенжеев; В.Б. Кривулин); *злой снежок* (Б.Ш. Кенжеев); *злая звезда* (Д. Самойлов); отвлеченные признаки и действия: *злая цепкость (бестелесная)* (М.Н. Айзенберг); *злая отчаянность* (Н.М. Коржавин); *злая тишина* (А.А. Галич); *злое веселье* (С.Г. Стратановский); *злая музыка* (А.П. Цветков; И.Ф. Жданов); *злое ремесло* (М. Волин); *злая даль* (А.А. Галич) и др.

Примеры реализации модели: *За окнами ныло болото, // буря, как злая банкнота* (А.М. Парщиков); *Это скрипочка злая-злая // на плече нарыдалась всласть* (Б.Б. Рыжий); *Качнулась дверь на злой петле* (Ю.А. Карабчиевский); *Мне страшно, злая полетишь* (О.А. Юрьев).

3. Выводы

В языке поэзии модели всевозможных «ценностных сдвигов», в ряду других механизмов отклонения от стандартного употребления языка, используются в качестве осознанного художественного приема, отражая установку на эстетически значимое разрушение языкового автоматизма для выражения нетривиальных и внутренне противоречивых смыслов. В художественной речи вырабатываются модели остраннения обыденных ценностей, выразителями которых является язык в его стандартном,

нехудожественном употреблении. И делают это авторы вовсе не из-за эпатажа и не потому, что как-то по-особому аморальны, но в поисках новых средств художественной выразительности.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х т. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II.

Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. С. 569–573.

Радбиль Т.Б. Лингвокреативный потенциал ценностных аномалий в художественной речи // Русский язык в поликультурном мире: V Международный симпозиум (8–12 июня 2021 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. / Отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: Изд. дом КФУ, 2021. Т. 1. С. 205–211.